A 127
242

Библиотека

А 127/242

ВЗГЛЯДЪ

НА

ОБЯЗАННОСТИ И ДУХЪ

ВОЕННАГО ЗВАНІЯ.

Сочиненіе

А. Л. Блонделя,

Капитана Французскаго Генеральнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

Печатано по Высочайшему повелѣнію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

I. Духъ военный и духъ воинственный. О солдатѣ . 1.

II. Объ Офицерѣ . . . . . 10.

III. Обязанности къ старшимъ . . . . . 22.

IV. Возраженіе и отвѣты . . . . . 29.

V. Обязанности къ равнымъ и старшимъ . . . . . 39.

VI. О Начальствованіи . . . . . 47.

VII. О Воинскомъ единодушіи . . . . . 61.

VIII. Особенныя обязанности. Объ Офицерѣ Генеральнаго Штаба . . . . . 70.

IX. Объ Адъютантѣ . . . . . 82.

X. Заключеніе . . . . . 92.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе, котораго цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ изложить всю важность обязанностей военнаго званія, должно обратить на себя общее вниманіе.

Но просвѣщенные читатели не забудутъ, что оно написано во Франціи, подъ вліяніемъ чуждыхъ намъ мнѣній и обстоятельствъ, и различатъ мѣстныя понятія отъ истинъ, которыя повсюду и всегда неизмѣнны и должны служить руководствомъ. Высокій образецъ исполненія сихъ истинъ имѣемъ мы предъ глазами: примѣръ воинскихъ доблестей сіяетъ намъ съ Престола и отражается на ступеняхъ Его.

БИБЛІОТЕКА * М.П.М.

Сочинитель говоритъ, что во Франціи въ мирное время военное званіе, лишенное поощреній, подвергается нѣкоторымъ образомъ общему пренебреженію. Сколь мы счастливы, что въ благословенномъ отечествѣ нашемъ, нѣжная попечительность Царя, раздѣлившаго въ станѣ труды одушевленныхъ присутствіемъ Его войскъ и указавшаго имъ путь къ побѣдѣ, покровительствуетъ ихъ и въ мирное время.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ОБЯЗАННОСТИ И ДУХЪ ВОЕННАГО ЗВАНІЯ.

I.

ДУХЪ ВОЕННЫЙ И ДУХЪ ВОИНСТВЕННЫЙ.

О СОЛДАТѢ.

Хотя оружіе наше во всѣ эпохи Исторіи стяжало неоспоримую славу, однако же военный духъ рѣдко проявлялся во Франціи. Это мнѣніе, которое съ перваго взгляда кажется неосновательнымъ, требуетъ объясненія и подтверждается свидѣтельствомъ людей опытныхъ. Едва прошло пять лѣтъ со времени водворенія мира въ Европѣ, какъ Генералъ Ламаркъ уже издалъ сочиненіе о необходимости возбудить во Франціи духъ военный. За тридцать лѣтъ до него, Тюрпенъ - де - Крисе писалъ:

«чтобы получить военное образованіе, на-
«роду не довольно имѣть вождя воинственнаго;
«выраженіе: военные, предполагаетъ офице-
«ровъ, не только свѣдущихъ въ военномъ
«искусствѣ, но и свыкшихся съ подчинен-
«ностью и дисциплиною, и готовыхъ подавать
«собою примѣръ. Французъ храбръ, но по
«врожденному легкомыслію онъ питаетъ из-
«лишнюю самонадѣянность и недовѣрчивость
«къ начальникамъ.» Если нѣкоторыя черты народнаго характера изгладились во время обуревавшихъ насъ переворотовъ, то конечно не тѣ, о которыхъ здѣсь говорится.

Чтобы понять мою мысль, надобно различать духъ воинственный отъ духа военнаго. Первый творитъ воинственные народы, другой — благоустроенныя арміи; одинъ есть качество врожденное, другой — пріобрѣтенная добродѣтель; тотъ въ крови, послѣдній въ нравахъ. Воинственный духъ можетъ доставить блестящіе успѣхи, но малѣйшее обстоятельство дѣластъ ихъ сомнительными или совершенно уничтожаетъ; духъ военный мо-

жетъ на время прославить народы, не одаренные душевною силою: но слава ихъ исчезаетъ съ великими мужами, которые были творцами ея. Чтобы пріобрѣсть и сохранить первенство между народами, нужно и то и другое условіе — воинственный народъ и великій полководецъ, Франція и Императоръ!

Мы любимъ бой барабановъ, изящность мундира; мы любимъ шумъ и впечатлѣнія ратнаго поля, но повиновеніе для насъ тягостно; оно не согласно съ нашимъ характеромъ и еще менѣе съ нашею эпохою; духъ пытливости вредитъ дисциплинѣ; изучая свои права, мы часто забываемъ изучать свои обязанности. Но если мы не имѣемъ военнаго духа, въ собственномъ значеніи слова, то воинственный духъ древнихъ Галловъ остался достояніемъ потомковъ ихъ.

Когда революція въ 1791-мъ году, противуставъ всей Европѣ, вооружила четырнадцать армій, въ нихъ господствовалъ духъ воинственный, но не было военнаго духа, и неудачи первыхъ походовъ нашихъ доказали его

необходимость. Когда Наполеонъ вознамѣрился завоевать вселенную, то ратный духъ былъ первою его опорою; и люди и деньги были въ рукахъ его; вліяніе великаго мужа внушало преданность; военный духъ воодушевлялъ войска нации. Повинуясь малѣйшему мановенію и слѣпо довѣряя вождю, они понимали, что въ раздѣлѣ славы, каждымъ успѣхомъ пріобрѣтаемой, имъ принадлежало повиновеніе, которое исполняетъ, а ему геній, который управляетъ. Несчастія 1813 года принудили Францію къ новымъ пожертвованіямъ; воинственный духъ еще не утомился; новобранцы, одушевленные восторгомъ, выдержали блистательныя сраженія подъ Люценомъ и Бауценомъ: но военный духъ ослабѣлъ; послѣ битвъ подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ, гвардія осталась почти одна изъ сонма героевъ, и одна доказала, что можетъ совершить горсть людей, руководимыхъ военнымъ духомъ и предводительствуемыхъ полководцемъ, подобнымъ Наполеону, противъ армій безчисленныхъ. Дисциплина и преданность составляли ея силу не менѣе генія вождя.

За возстановленіемъ Бурбоновъ послѣдовали миръ и возобновленіе нашихъ военныхъ учрежденій. Революція 1830 года застала Францію въ невозможности предпринять борьбу съ Европою. Ратный духъ, усыпленный пятнадцатилѣтнимъ миромъ, внезапно пробудился при мысли о вторженіи иноземцевъ въ границы наши. Со всѣхъ сторонъ бросились къ оружію; толпы охотниковъ предлагали отечеству жизнь свою. То было проявленіе воинственнаго духа во всей горячности; по духу военному, уже слабому, нанесенъ былъ передъ тѣмъ жестокій ударъ въ битвахъ, происходившихъ въ стѣнахъ Парижа.

Миръ не былъ нарушенъ. Этотъ порывъ вскорѣ утихъ, и Французы, возвращенные спокойствіемъ къ занятіямъ мирнымъ, снова отказались отъ мечтаній о славѣ; но сердца ихъ всегда готовы отвѣчать на воззваніе отчизны.

И такъ воинственность не изчезла во Франціи. Это пламя, питаемое воспоминаніями о нашихъ подвигахъ; оно распространяется съ

необыкновенною силою и блескомъ при звукѣ ратной трубы; подобно изверженію огнедышущей горы, грозное его зарево поражаетъ взоры, какъ скоро опасность извнѣ или стремленіе къ завоеваніямъ возбуждаютъ восторгъ, любовь къ отечеству и славѣ. Тогда сей духъ поддерживается успѣхами оружія, народнымъ хвастовствомъ и презрѣніемъ къ врагу. Вотъ обстоятельства, раждающія страсть къ военному званію и уваженіе къ воинамъ. Солдатъ идетъ съ восторгомъ на встрѣчу опасности; конскрипту, назначенному жребіемъ, завидуетъ оставленный въ нѣдрахъ семейства. Юноши, жаждущіе побѣдъ, стремятся съ нетерпѣніемъ подъ знамена; поступленіе въ службу по собственной охотѣ предупреждаетъ воззванія; всѣ бѣгутъ въ станъ воинскій какъ на празднество. Воины неопытные и заслуженные равно довѣряютъ и вождю и товарищамъ; и тѣмъ и другимъ надежда указываетъ, за чертою опасностей, отличія и производство; оттѣнокъ военнаго духа, повиновеніе и преданность, переходитъ изъ рядовъ войска въ народъ.

Но столь сильныя пружины ослабѣваютъ отъ слишкомъ продолжительнаго напряженія во время безконечныхъ войнъ. Въ самыя блистательныя эпохи славы народовъ современемъ наступаетъ однако же мгновеніе, когда ихъ силы не могутъ болѣе возстановляться соразмѣрно истребленію войною. Исторія свидѣтельствуетъ объ этой истинѣ; въ древности, въ новѣйшія времена и даже при послѣднихъ переворотахъ, отъ которыхъ еще обливаются кровью сердца наши, видѣли мы народы, которые, одушевлялсь сначала восторгомъ, дарующимъ успѣхъ, прославляли себя завоеваніями, но вскорѣ утомлялись собственными побѣдами, и, наконецъ, не испытавъ пораженія, отказывались отъ покоренныхъ странъ, потому что не могли удержать ихъ за собою.

Страсть къ войнѣ засыпаетъ также въ продолженіе сладостнаго мира. Иныя выгоды, иныя нужды занимаютъ солдата; будущность не прельщаетъ его своими мечтами; нѣтъ собственно военной жизни; служба дѣлается повинностью, налагаемою закономъ. Это вре-

менное, хотя и неизбѣжное испытаніе, препятствующее заключенію брачныхъ союзовъ, торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Начинаютъ его не охотно и спѣшатъ сократить. Солдатъ на службѣ безпрестанно жалѣетъ о семействѣ и предметахъ сердечной привязанности, и въ мундирѣ мечтаетъ и мыслитъ онъ какъ гражданинъ; его военный духъ, не согрѣваемый восторгомъ и надеждами на будущее, превращается въ временную покорность судьбѣ; и мы думаемъ, что невозможно ожидать болѣе отъ Французовъ, даже при измѣненіи постановленій нашихъ.

Причину тому находимъ въ нравахъ. Миръ слишкомъ быстро развиваетъ торговый духъ; выгоды непосредственныя, личныя господствуютъ надъ прочими. Миръ уничтожаетъ надежду на быстрое повышеніе и оставляетъ солдата въ прикосновеніи съ гражданами, наслаждающимися спокойствіемъ и свободою подъ защитою законовъ. Миръ лишаетъ его въ общемъ мнѣніи славы, утѣшающей въ неудачахъ, облагороживающей бѣдность и вра-

чующей раны. И чѣмъ вознаграждается лишеніе такихъ выгодъ?—Необходимостію повиноваться. Ежедневными попеченіями и благоразумiемъ, можно склонить солдата къ безропотному исполненію обязанностей, и внушить ему такую привязанность къ знаменамъ, чтобы въ минуту опасности онъ охотно возвращался къ нимъ. Но заставить его предпочитать праздную казарменную жизнь волненіямъ жизни гражданской, нѣмое повиновеніе политическимъ преніямъ, случайное семейство казармъ кровному семейству хижины—это дѣло несбыточное.

Во время мира духъ гражданственности отъ народа переходитъ въ войско.

II.

ОБЪ ОФИЦЕРѢ.

Только для Офицера военная служба остается поприщемъ постоянной дѣятельности. Опасности исчезли съ заманчивыми вознагражденіями и плѣнительною беззаботностію. Военная жизнь утратила свою очаровательность, потому что для блеска эполетъ нужны обнаженные мечи; военные лишаются лучезарнаго вѣнца, украшающаго чело ихъ, и въ ихъ пользѣ другіе сомнѣваются. Всѣ готовы почитать ихъ безполезнымъ бременемъ для Государства — такъ какъ пушки, безмолвно и неподвижно отдыхающія въ арсеналахъ, тяготятъ землю, пока война не разбудитъ и тѣхъ и другихъ, чтобы громить поля сраженій. Эта мысль столь сильна въ народѣ, что вкореняется и въ арміи, оскорбляя благородныя сердца; и иногда Офицеръ, увлекаемый общимъ по-

токомъ, соскучившись и своимъ званіемъ и самимъ собою, призывая безпрерывно войну, какъ будто бы онъ живетъ только для того, чтобы убивать или быть убитымъ, думаетъ, что онъ утратилъ право на общественное уваженіе. Онъ предается гибельному унынію, съ принужденіемъ исполняетъ свои обязанности, и, впадая изъ одного заблужденія въ другое, изъ погрѣшности въ погрѣшность, наконецъ теряетъ уваженіе къ самому себѣ.

Но не ужели мы все сдѣлали для отечества? Если оно не требуетъ болѣе крови, то не призываетъ ли къ другимъ обязанностямъ, къ другимъ пожертвованіямъ? Не ужели остается намъ только дѣлать за жалованье то, что національная гвардія исполняетъ безвозмездно? Не ужели мы, недостойные потомки славныхъ предковъ, осуждены влачить, изъ города въ городъ, постыдную праздность? Если гражданскія доблести облагороживаютъ прочія состоянія, то не ужели военное званіе утратило свое благородство? Видя столько примѣровъ преданности, купленной цѣною золота, ли-

шается ли оно права говорить о своей преданности?

Постараемся опровергнуть эти ложныя и вредныя мнѣнія.

Во время мира, ослабляющаго душевныя силы и охлаждающаго восторгъ, Офицеръ долженъ строго исполнять свои обязанности, постоянно стремиться къ одной цѣли и безропотно приносить всѣ пожертвованія. Въ немъ нравственная сила арміи. Его дѣло сохранять священное сокровище военнаго духа, въ которомъ заключается тайна прочныхъ побѣдъ; его дѣло основать или утвердить могущество отечества, образуя ежегодно вошновъ изъ гражданъ, призываемыхъ подъ знамена.

Но что поощряетъ его къ подобнымъ усиліямъ? Личнымъ вліяніемъ и примѣромъ долженъ онъ противудѣйствовать унынію солдата и невыгоднымъ уравненіямъ со всѣмъ, что окружаетъ его. Купецъ на прибыльномъ поприщѣ, художникъ въ независимости, чиновникъ въ обезпеченномъ положеніи, литераторъ въ трудолюбивомъ спокойствіи, нахо-

дать всѣ или будущность полную надежду, или настоящее благосостояніе, которыхъ Офицеръ совершенно лишенъ въ мирное время. Онъ живетъ въ удаленіи отъ семейнаго круга и не можетъ составить себѣ новаго, если не имѣетъ избытка; родившись въ посредственномъ состояніи, онъ пріобрѣтаетъ самыя естественныя наслажденія, только цѣною трудныхъ и безпрестанныхъ лишеній, эти наслажденія вовсе не доступны для него, если его званіе составляетъ единственное средство къ существованію. При частыхъ перемѣнахъ въ расположеніи и переводахъ изъ полка въ полкъ, онъ не знаетъ даже связей дружбы или простаго знакомства, которыя упрочиваются временемъ. Однообразная жизнь его безрадостно протекаетъ въ скучномъ сцѣпленіи трудовъ и фронтовыхъ ученій, съ каждымъ годомъ возвращающихся въ одномъ и томъ же порядкѣ, и въ старости, благодаря ежедневнымъ вычетамъ изъ скуднаго жалованья, получаетъ онъ, въ вознагражденіе тридцатилѣтней службы, кусокъ хлѣба до могилы. Бѣднякъ дол-

женъ почитать себя счастливымъ, если витіи, щедрые на многорѣчивыя изъясненія любви къ отечеству, но скупые на доказательства признательности, не станутъ оспаривать у него, при составленіи каждой смѣты, сихъ крохъ, столь дорого ему стоющихъ.

Если о пользѣ трудовъ должно судить по ихъ послѣдствіямъ, если безкорыстіе облагораживаетъ пожертвованія: то конечно человѣкъ, оказывающій подобныя услуги и за подобное вознагражденіе, имѣетъ право считать себя полезнымъ и гордиться своимъ званіемъ и самимъ собою. На поприщѣ Государственной службы, кому предстоятъ подобныя усилія? Отъ кого требуется болѣе самоотверженія? На немъ лежатъ многочисленныя обязанности во время самаго мира: одни изъ нихъ вещественныя, другія — нравственныя. Первыя начертаны въ уставахъ; другія, драгоцѣннѣйшія — въ совѣсти и сердцѣ. Первыя ясно изложены въ книгахъ, ихъ можно затвердить; познаніе вторыхъ основано на просвѣщенной любви къ отечеству. Достаточно исполнять

первыя, чтобы избѣжать порицанія; но такъ какъ строгая добродѣтель воспрещаетъ многіе поступки, которые не опредѣлены въ уложеніяхъ и не показываются законами, не столь взыскательными, какъ совѣсть честнаго человѣка: то польза службы требуетъ исполненія всѣхъ обязанностей, безъ изъятія. Вотъ почему говорятъ, что достойный Офицеръ не ограничивается исполненіемъ того, что предписано въ уставахъ.

Пусть же общественные кумиры удѣлятъ часть оказываемаго имъ уваженія бѣдному и преданному Офицеру, проходящему поприще трудное, благородное и неизвѣстное. Онъ оказываетъ дѣйствительныя услуги и приноситъ великія пожертвованія, рѣдко достигая первостепенныхъ отличій и никогда не снискивая богатства.

Военный не долженъ забывать, что отъ него одного зависитъ облагородить свое званіе. Не деньгами награждается совѣсть; обязанности, ею налагаемыя, требуютъ награды почетнѣйшей: но заслуживаетъ ее только

тотъ, кто никогда не забываетъ ихъ, и если исполненіе обязанностей даетъ право на эту награду, то требуя сей послѣдней, мы даемъ обѣтъ быть вѣрными своему долгу; слѣдственно надобно узнать его.

Приступая къ тому, военный найдетъ въ важности и пользѣ своихъ обязанностей нужную твердость къ ихъ исполненію, а въ самомъ исполненіи — средство возвысить себя въ собственныхъ глазахъ и заслужить общее уваженіе; и если бы усилія его остались временно безъ вознагражденія, то голосъ совѣсти и истинная любовь къ отечеству поддержатъ еще его рвеніе и преданность.

И такъ, безъ любви къ отечеству нельзя быть достойнымъ Офицеромъ и не ослабѣвать въ усердіи даже при недостаткѣ поощренія. Къ несчастію, въ наше время нужно опредѣлить смыслъ этого слова, которое такъ часто употребляли во зло.

Любовь къ отечеству! — это слово имѣетъ отголосокъ во всѣхъ сердцахъ; въ самомъ дѣтствѣ оно воспламенятъ наше воображеніе;

въ школахъ, мы сначала удивляемся великимъ мужамъ древности, потомъ тѣмъ, которые передали намъ свою кровь и примѣры, говорили нашимъ языкомъ и своими подвигами возвеличили славу Французскаго имени въ такое время, когда мы не могли еще гордиться имъ. Въ лѣта честолюбія, привязанность наша къ Франціи возрастаетъ по мѣрѣ нашей личной гордости. Но священное чувство, внушаемое ею, не есть тщеславіе. Съ восторгомъ слушая разсказы о подвигахъ самоотверженія, ознаменовавшихъ всѣ эпохи, мы возвышаемся духомъ, ожидаемъ болѣе отъ самихъ себя и воспоминанія временъ прошедшихъ заставляютъ насъ мечтать о будущихъ дѣлахъ доблести. Любовь къ отечеству потрясаетъ всѣ струны сердца; она соединяетъ въ себѣ всѣ прочія чувства, и если, съ одной стороны, она основана на тщеславіи, то съ другой, служитъ источникомъ чистѣйшаго безкорыстія. Это прекрасное слово можетъ быть девизомъ для всѣхъ, можетъ быть начертано на всѣхъ знаменахъ, и вотъ почему оно было

избираемо всѣми партіями, которыя его осквернялн и уничтожили бы его могущество, если бы оно могло быть уничтожено.

Въ несчастныя времена, когда Францію раздирали неистовыя партіи, именемъ отечества отказывали полководцамъ въ довѣріи и повиновеніи. Когда у солдата не было хлѣба,— онъ обвинялъ Генерала въ измѣнѣ. Когда глубокій снѣгъ препятствовалъ проходу чрезъ Шдеръ - Брупскія тѣснины, — кричали, что Гошъ измѣнникъ. Когда войска бѣжали на лѣвомъ флангѣ арміи Дюмурье, расположенной въ Плетахъ, передъ Аргонью, бѣжали подъ вліяніемъ паническаго страха; потому что, по оплошности одного Подпоручика, нѣсколько непріятельскихъ гусаровъ показались въ тылу, то Дюмурье называли измѣнникомъ. Счастливъ Келлерманъ, что дѣйствіе его артиллеріи изумило Пруссаковъ; будь онъ разбитъ въ Вальми, и его бы подозрѣвали въ измѣнѣ. Тѣ же грозные защитники отечества, вторично бѣжавшіе передъ Пруссаками, при второй встрѣчѣ съ ними, 22-го Апрѣля 1792

года, принесли въ стѣны Лиля, приведеннаго въ ужасъ, голову своего Генерала Теобальда Дильона, котораго они убили, какъ измѣнника, въ то самое время, когда онъ старался остановить постыдное ихъ бѣгство. Буйное неповиновеніе, невѣжественная подозрительность, безразсудные приговоры — все это называлось любовью къ отечеству. Такъ революціи, ниспровергая порядокъ, измѣняютъ и значеніе словъ.

Въ 1830 году, пылкое юношество, благонамѣренное; но заблуждавшееся, составляло въ арміи тайныя общества для защиты отечества: какъ будто правительство можетъ желать вторженія иноземцевъ! Какъ будто армія имѣетъ право вступать въ союзы, не основанные на воинской подчиненности! Какъ будто она можетъ присвоивать себѣ судъ надъ правительствомъ, котораго она должна быть орудіемъ? — И все это называлось любовью къ отечеству.

Чтобы возстановить настоящій смыслъ сего слова, обратимся къ временамъ, о которыхъ

можемъ судить безпристрастно. Древніе герои, коихъ любовь къ отечеству наиболѣе внушаетъ намъ удивленіе, вѣрно не такъ понимали это чувство; мы по необходимости должны напомнить оставленные ими примѣры, когда они, повидимому, забыты.

Одинъ бросается въ пропасть, которая надъ нимъ закрывается; другіе забываютъ родственныя связи и, сражаясь противъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, утверждаютъ первенство рождающагося Рима. Брутъ заглушаетъ чувство родительской любви изъ уваженія къ законамъ; Регулъ предаетъ себя кровожадному мщенію Карѳагенянъ, чтобы предоставить Риму право удержать плѣнныхъ; — вездѣ тоже слово выражаетъ ту же мысль, то же чувство. Ликургъ осуждаетъ себя на добровольное изгнаніе; Аристидъ подвергаетъ себя остракизму вмѣсто того, чтобы вооружить своихъ приверженцевъ; — вездѣ самозабвеніе. Это происходитъ отъ того, что любовь къ отечеству, какъ и всякая любовь, состоитъ въ преданности, а не въ требованіяхъ; она питается

жертвами, а не дарами. Истинные сыны отечества жертвуютъ возвышенной своей страсти достояніемъ, почестями, жизнью, и слишкомъ гордятся оказанными услугами, чтобы помышлять о другихъ наградахъ: ибо любовь къ отечеству не даетъ правъ, но налагаетъ обязанности. Преданный отечеству гражданинъ не требуетъ отъ него дани за оказанныя услуги, но ищетъ случая быть полезнымъ; онъ не подчиняетъ общихъ выгодъ личнымъ, но жертвуетъ всѣмъ Государственной пользѣ.

III.

ОБЯЗАННОСТИ

КЪ

СТАРШИМЪ.

Мы знаемъ, что выраженіе: общественная польза, подвержено различнымъ истолкованіямъ, смотря по обстоятельствамъ и понятіямъ каждаго; конечно, многіе безъ умысла употребляли его во зло. Правленіе наше, основанное на преніяхъ, освѣщающихъ многія заблужденія, внушая намъ недовѣрчивость къ собственнымъ свѣдѣніямъ, научаетъ не почитать врагами тѣхъ, которые противоположнаго съ нами мнѣнія. Чтобы оцѣнить то, чего требуетъ отъ каждаго изъ насъ общая польза, недостаточно высокаго ума, надобны еще здравый смыслъ и прямодушіе. Къ счастію для арміи, ея обязанности легче опредѣлить и понять.

Армія есть внѣшняя и внутренняя сила Государства. Любовь къ отечеству предписываетъ намъ желать всего, могущаго усилить армію и избѣгать всего, стремящагося къ ея ослабленію.

Соберите сто тысячъ человѣкъ, дайте имъ оружія, мундиры, снаряды и у васъ еще не будетъ арміи. Научите ихъ употреблять всѣ средства къ самохраненію и къ истребленію непріятеля; предположите, что всѣ они мужественны и сильны: у васъ будетъ сто тысячъ человѣкъ солдатъ, но еще не армія. Если ихъ одушевляетъ одно чувство, поведите ихъ на врага, они, быть можетъ, одержатъ мгновенную побѣду, но на другой же день разстроятся и разсѣятся; они еще не составляютъ арміи.

Тому много доказательствъ. Читайте Исторію первыхъ революціонныхъ походовъ; тогда войска наши были мужественны, не зная дисциплины, стремились къ побѣдѣ, не имѣя воинскихъ добродѣтелей, обезпечивающихъ плодъ побѣдъ. За то, пока не видѣли предъ

собою непріятеля, разбирали дѣйствія, подозрѣвали намѣренія начальниковъ, вмѣсто того, чтобы повиноваться имъ; это было причиною многихъ неудачъ. Говоря о современникахъ, спросите у генерала Дэна, какое сраженіе, какія битвы истребили его армію въ 1832-мъ году? Мы видѣли, какъ оружіе и пушки ея разбросаны были по дорогамъ, покинуты на мызахъ; на землѣ, не орошенной кровью; на ратномъ полѣ, не усѣянномъ тѣлами убитыхъ; и между тѣмъ эта армія явилась, какъ бы по волшебному мановенію, при восклицаніяхъ: отечество и свобода.

Послѣ примѣровъ, нужны ли правила? Читайте военныя сочиненія, переписку генераловъ, наставленія великихъ полководцевъ, вездѣ найдете вы эту основную мысль, тысячу разъ повторенную: чѣмъ болѣе порядка въ арміи, тѣмъ она сильнѣе; силу арміи составляютъ дисциплина, введенная въ составныхъ частяхъ ея, порядокъ, проистекающій изъ дисциплины: подчиненность — первое ея основаніе . . . . . .

Чего же не достаетъ нашей стотысячной толпѣ, чтобы образовать армію? Связи, единства, согласія и постоянства въ усиліяхъ. Какъ достигнуть этихъ преимуществъ? Единствомъ воли, направляющей къ одному предмету эти сто тысячъ рукъ; единствомъ мысли, устремляющей къ общей цѣли способности этихъ ста тысячъ мыслящихъ созданій.

Дисциплина и подчиненность соединяютъ эту толпу въ одно цѣлое и дѣлаютъ ее грознымъ великаномъ, потому что силы ста тысячъ человѣкъ сливаются въ одно, подъ управленіемъ одной мысли.

И такъ, въ арміи можетъ быть одна только независимая воля, — воля главнокомандующаго. Всѣ прочіе безъ исключенія, отъ генерала до взводнаго командира, повинуются, и приказанія ихъ ничто иное, какъ слѣдствіе ихъ повиновенія. Подобно колесамъ машины, они лишь передаютъ другимъ сообщенное имъ направленіе. Но мы не принимаемъ этого сравненія во всемъ его пространствѣ. Въ машинѣ движеніе однообразно; и мѣсто и ходъ

каждой пружины опредѣлены неизмѣнно; движеніе или неподвижность, — вотъ ея назначеніе.

Напротивъ того въ арміи каждое колесо одарено понятливостью, и эта понятливость, составляя часть его цѣнности, бываетъ всегда полезна; потому, что всѣ нравственныя, какъ и физическія силы военнаго должны быть обращены на службу роднаго края. Отвѣтственность лежитъ на всѣхъ; за то и слава принадлежитъ всѣмъ. Въ приказаніяхъ не льзя предвидѣть всѣхъ возможныхъ случаевъ такъ ясно и опредѣлительно, чтобы ничего не доставить усмотрѣнію исполнителя. Ефрейторъ на передовыхъ постахъ, часовой на ведетѣ могутъ показать способности и усердіе; если умственныя силы проявляются и въ столь ограниченномъ кругѣ дѣятельности, то тѣмъ болѣе могутъ онѣ развиваться въ высшихъ степеняхъ.

Приказаніе, которое получаетъ офицеръ, опредѣляетъ съ точностью только личныя его дѣйствія; подъ его начальствомъ состоятъ люди, которыхъ онъ долженъ руководствовать и

за которыхъ отвѣчаетъ. Зная намѣреніе начальника не болѣе того, сколько нужно для исполненія даннаго порученія и сколько можетъ быть открыто безъ нарушенія тайны,всегда необходимой въ воинскихъ предпріятіяхъ, офицеръ напрягаетъ всѣ дарованія къ достиженію указанной ему цѣли. Слѣдовательно, законы повиновенія не дѣлаютъ изъ него Илота; онъ можетъ, онъ долженъ разсуждать, но для того, чтобы придумать и употребить лучшія средства къ исполненію полученныхъ приказаній, а отнюдь не для обсужденія ихъ.

« Замѣчанія подчиненнаго иногда могутъ « быть полезны, потому что онъ видитъ вблизи « то, что по отдаленности скрывается отъ взо- « ровъ самаго прозорливаго начальника. » Такъ выражается полковникъ, уже произведенный въ генералы, въ сочиненіи, напечатанномъ за пятнадцать лѣтъ предъ симъ, о необходимости увеличить военныя силы Франціи.

Если штабъ - офицеръ признаетъ, что не можетъ всего видѣть и входить во всѣ подробности, то тѣмъ болѣе оберъ-офицеръ не

долженъ осуждать того, что происходитъ внѣ круга его, разбирать мысли и намѣренія начальника, смотрящаго съ высшей точки зрѣнія, обнимающаго обширнѣйшее пространство и дѣйствующаго съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла. Симъ подтверждается мнѣніе наше, что въ военномъ порядкѣ офицеръ, какого бы чина онъ ни былъ, долженъ напрягать всѣ свои умственныя способности для наблюденія, чтобы его подчиненные исполняли въ совершенной точности данныя приказанія, не разбирая согласны ли онѣ съ благоразумiемъ и пользою.

И такъ достойный офицеръ обязанъ прежде всего повиноваться начальникамъ, довѣрять ихъ приказаніямъ, наблюдать неукоснительно за исполненіемъ ихъ. Повиновеніе его должно быть искренно, безусловно и доходить до самоотверженія; ибо отрекаясь отъ собственаго образа мыслей, онъ подчиняетъ свой умъ уму другаго, свою волю посторонней волѣ.

Единственное употребленіе его способностей и воли состоитъ въ томъ, чтобы понимать и исполнять приказанія.

IV.

ВОЗРАЖЕНІЯ и ОТВѢТЫ.

Законъ повиновенія уже давно былъ и долго еще будетъ источникомъ многихъ разсужденій; должно сознаться, что повиновеніе болѣе всего противно Французу. Будучи одаренъ дѣятельнымъ умомъ, пламеннымъ воображеніемъ, раздражительнымъ тщеславіемъ, онъ неохотно соглашается быть слѣпымъ орудіемъ. Его пылкость возстаетъ противъ всякаго ига, его живость не терпитъ тягостной цѣпи. За то сколько возраженій! Постараемся отвѣчать на нѣкоторыя изъ нихъ.

Говорятъ, что Генералъ можетъ ошибаться, невзирая на свою благонамѣренность и способность; должно ли и тогда повиноваться ему? Да, должно повиноваться, потому что осуждая его, вы, можетъ быть, сами ошибаетесь. Должно повиноваться, потому что

въ войнѣ нерѣшимость всегда гибельна: и часто движеніе неосторожное или даже очевидно опасное; но исполненное съ мужествомъ, поддержанное съ твердостью, изумляетъ, разстроиваетъ непріятеля и вѣнчается успѣхомъ, которому иногда и самъ побѣдитель удивляется. Преимущественно съ народомъ пламеннымъ, каковы Французы на полѣ битвы, должно страшиться нерѣшимости: она уничтожаетъ надежнѣйшее средство къ успѣхамъ оружія нашего. Должно повиноваться, потому что сила арміи состоитъ въ единствѣ, а преніи влекутъ за собой разстройство.

Повинуйтесь, наконецъ, для собственной пользы, потому что военный отвѣчаетъ за приказанія, которыя отдаетъ, а не за тѣ, которыя исполняетъ. Каковы бы ни были послѣдствія, онъ правъ, если можетъ сказать: я повиновался. Эта увѣренность драгоцѣннѣе всегда сомнительной чести обсужденія. Стоя на низшихъ степеняхъ, не будемъ поверять предположеній, которыхъ не можемъ постигнуть; не станемъ судить о начальникахъ не-

рѣдъ подчиненными ихъ, потому что примѣръ заразителенъ; и солдатъ въ свою очередь возвыситъ голосъ, забывъ, что назначеніе его есть дѣйствіе. Одни рядовые, поставленные ниже всѣхъ, не подлежали бы суду.

Но мы предполагали, что главнокомандующій благонамѣренъ, между тѣмъ, какъ Исторія повѣствуетъ объ измѣнахъ, о постыдныхъ дѣлахъ: можно напомнить о битвахъ подъ Лейпцигомъ, Ватерлоо и проч. Рѣдкость подобныхъ случаевъ доказываетъ, что во Франціи кто слѣдуетъ примѣру измѣнника, тотъ едва ли ошибается на счетъ имени, заслуженнаго преступленіемъ его. Насъ призываютъ подъ знамена, чтобы сражаться; очевидно, что не льзя быть полезнымъ положа оружіе или передавшись непріятелю; и если во время несчастныхъ междоусобій мы видѣли измѣнниковъ въ рядахъ нашихъ: то народная гордость не дозволяетъ назвать ихъ, пока ихъ преступленіе не доказано. Подозрительность разстроиваетъ арміи и причинила болѣе несчастій, нежели самыя измѣны. Скажемъ бо-

лѣе: мы полагаемъ, что человѣкъ, обезславившій себя измѣною, никогда, можетъ быть, не исполнилъ бы гнуснаго замысла, если бы подозрѣніе, встревоживъ совѣсть его, не возбудило въ немъ первой преступной мысли, несмотря на жизнь еще безпорочную; если бы позоръ и отчаяніе не придали ему пагубной рѣшимости.

Люди съ душою, увлеченные измѣнникомъ, сохраняютъ по крайней мѣрѣ честь. Но разъединенные подозрѣніемъ бываютъ иногда разбиты безъ враговъ; они не менѣе безполезны отечеству, — и стыдъ, сопровождающій бѣгство ихъ, пятнаетъ каждаго личнымъ, неизгладимымъ клеймомъ.

Говорятъ еще, что повиновеніе несовмѣстно съ нашими нравами и законами. Въ нашъ вѣкъ разсужденія и образованности, когда ребенокъ въ школѣ подаетъ голосъ къ избранію своего ефрейтора и лепечетъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ; когда каждый тщеславится самостоятельностью, — какъ отважиться говорить о безусловномъ повиновеніи? Столь же

странно защищать его въ наше время, сколь было опасно опровергать необходимость его за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, и даже при Наполеонѣ. Но мы спросимъ у самыхъ ревностныхъ его противниковъ допуская разсужденіе въ рядахъ войска, полагаете ли вы, что солдатъ имѣетъ право судить о всемъ безъ исключенія, или только объ извѣстныхъ предметахъ? Но нужно ли доказывать необходимость нѣкотораго ограниченія? Кто изъ военныхъ, хотя бы онъ заблуждался до того, что не признавалъ обязанности повиноваться старшимъ, дозволитъ подчиненнымъ оспоривать его власть? Кто изъ военныхъ, хотя бы онъ подвергалъ сужденіямъ рядовыхъ всѣ отрасли правленія, дозволитъ имъ разсмотрѣть—до какой степени они обязаны покорностью военнымъ уставамъ? И такъ должно ограничить право разсужденія. Допустивъ необходимость ограниченія: гдѣ оно начнется, когда остановится? Тогда ли, когда разрушеніе основныхъ законовъ расторгнетъ взаимныя узы народа и вождей его и, освободивъ всѣхъ, превратитъ государство

въ хаосъ? Но кто безошибочно опредѣлитъ сіи обстоятельства? Кто докажетъ, что основные законы ниспровергнуты, когда законодатели наши безпрестанно обвиняютъ другъ друга въ нарушеніи и неразумѣніи ихъ? Знаніе законовъ, разумѣніе языка ихъ, врожденны ли человѣку? Можно ли постигнуть, безъ внимательнаго наблюденія, существенныя условія политической жизни народовъ? Можно ли образовать законовѣдцевъ посредствомъ военныхъ уставовъ и правилъ о маневрахъ? Они лишь упоминаютъ объ учебныхъ пріемахъ и движеніяхъ. Странно будетъ, если арміи придется разсуждать о политическихъ дѣлахъ.

Выразимся ясно: ужасные перевороты, называемые революціями, все ниспровергаютъ. Торжествующая революція вѣнчаетъ воиновъ, не поднявшихъ противъ нея оружія: потому что ихъ слабость сотворила ея силу, а сила часто замѣняетъ право; мятежники ласкаютъ въ нихъ бывшихъ враговъ, которыхъ не нужно было побѣждать; будущихъ сообщниковъ,

которые останутся въ бездѣйствіи, если загорится битва: но солдаты, запятнанные подобными ласками, исполнили ли свое назначеніе?

Если они поступили хорошо, то должно осудить поступившихъ иначе; потому что тысячи путей ведутъ ко злу, но къ добру только одинъ. Какое судебное мѣсто, не говоря уже о военномъ судѣ, дерзнетъ наказать солдата, пребывшаго вѣрнымъ своимъ знаменамъ? Кто по совѣсти осудитъ воина, умершаго съ растерзаннымъ сердцемъ, чтобы покориться дисциплинѣ, не измѣнить присягѣ, безъ надежды на награду, какъ умирали при Θермопилахъ сподвижники Леонида, покоряясь законамъ Спарты? Въ 1830 году, нѣкоторые офицеры подали въ отставку въ день роковыхъ повелѣній; но не считая себя уволенными до разрѣшенія ихъ просьбъ, были убиты подъ знаменами, которыхъ не могли безъ стыда оставить. Виновны ли они и должно ли осуждать ихъ память? Нѣтъ: повиновеніе есть всегда долгъ; потому что армія есть

сила, а не власть. Будучи силою, она должна быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ, управляющихъ ею, подобно штыку въ рукахъ солдата; мы призываемъ въ свидѣтели всю армію, что нѣтъ добросовѣстнаго воина, который бы, оплакивая междоусобныя брани, осудилъ солдата, пребывающаго въ повиновеніи до послѣдняго часа, и офицера, отвѣчающаго, что честь и опасность повелѣваютъ ему умереть подъ знаменами.

Наконецъ, всѣ военныя доблести заключаются въ двухъ символахъ: дисциплинѣ и мужествѣ. Онѣ основаны на самоотверженіи, заставляющемъ воина жертвовать личными своими выгодами общей пользѣ.

Мундиръ не допускаетъ личности; и кто достоинъ носить его, тотъ перестаетъ жить для себя; дисциплина сокрушаетъ его волю, обращаетъ насильственно его склонности, желанія и выгоды на пользу повиновенія и порядка; мужество предписываетъ ему встрѣчать хладнокровно опасности, бороться съ ними безъ расчета и, если нужно, умереть за роди-

ну: любовь къ отечеству требуетъ, чтобы онъ всегда почиталъ эту жертву необходимою.

Однажды въ Вандеѣ, республиканская армія, подъ начальствомъ Клебера, отступала, съ восхода солнечнаго, передъ непріятелемъ, которому знаніе закрытой мѣстности давало большое преимущество. Республиканскій генералъ, достигнувъ квечеру небольшой рѣчки, которою хотѣлъ прикрыть дальнѣйшее отступленіе, призываетъ баталіоннаго командира и приказываетъ ему защищать мостъ до послѣдней крайности, говоря: ты умрешь тутъ съ своимъ баталіономъ. Слушаю, отвѣчалъ послѣдній. Онъ сдержалъ слово; и обезпечилъ армію. Въ его краткомъ отвѣтѣ болѣе истинной любви къ отечеству, нежели въ самыхъ пышныхъ рѣчахъ.

Повторяемъ: безусловное повиновеніе и неограниченная преданность суть, по нашему мнѣнію, отличительныя свойства воина, одушевленнаго любовью къ отечеству.

Несправедливо полагаютъ, что эта преданность можетъ быть внушена только привя-

занностію къ полководцу. Конечно, есть люди, которые лучше другихъ умѣютъ говорить сердцу воина, заслужить его любовь, внушить ему довѣренность къ себѣ и вселить въ него ту преданность, о которой говоримъ. Но развѣ обязанности должно исполнять только тогда, когда онѣ не трудны? Не забудемъ, что генералъ есть представитель священной воли отечества, каковъ бы ни былъ его личный характеръ. Отсюда проистекаетъ новая обязанность офицера къ подчиненнымъ: онъ обязанъ поддерживать въ рядахъ уваженіе къ сану начальника; скрывать отъ нихъ ошибки, могущія возбудить ропотъ или гибельную ненависть; заставить уважать его хорошія качества и забывать недостатки.

Исполняя обязанности къ старшимъ, мы пріобрѣтаемъ права на повиновеніе младшихъ, и своимъ примѣромъ внушаемъ имъ благоразумныя правила и возвышенныя чувства.

V.

ОБЯЗАННОСТИ

КЪ

РАВНЫМЪ и СТАРШИМЪ.

Если сила арміи состоитъ въ единодушіи: то необходимо достигать его всѣми возможными средствами; должно почитать важнымъ все, что можетъ поддерживать его. Слѣдовательно, обязанности военнаго не ограничиваются повиновеніемъ старшимъ. Съ равными должны связывать его узы дружества, а съ подчиненными начальствованіе и доброжелательство.

Говоря доселѣ только о пожертвованіяхъ, упомянемъ теперь о вознагражденіяхъ. Между тѣмъ, какъ съ одной стороны разумъ и совѣсть находятъ самодовольствіе, сердцу представляются истинныя наслажденія воинской жизни. Внушать любовь есть, конечно, пріятнѣйшая изъ обязанностей.

Честолюбіе есть полезный и могущественный двигатель, соревнованіе — чувство благородное и плодотворное; но безусловное примѣненіе лучшихъ правилъ клонится къ злоупотребленію. Необузданное честолюбіе замѣняетъ стремленіе къ добру желаніемъ возвыситься, и заставляетъ предпочитать вѣрныя и скорыя средства благороднымъ. Неумѣренное соревнованіе превращается въ завистливое соперничество, и изъ братьевъ дѣлаетъ враговъ. Вотъ чего должно избѣгать, и отъ чего насъ предохранятъ воспоминанія первыхъ лѣтъ жизни. Кто можетъ равнодушно перенестись къ первымъ впечатлѣніямъ юности и къ союзамъ дружбы, заключеннымъ въ школахъ и среди первыхъ опасностей бурной жизни? Молодость откровенна и великодушна. Вступая на поприще чести, мы рѣдко не чувствуемъ себя способными ко всему благородному. Старанie отличиться успѣхами въ наукахъ не носитъ на себѣ отпечатка соперничества или зависти; не заботясь о будущемъ, довольные блескомъ эполетовъ, которые мы только что надѣли,

гордясь первымъ командованіемъ, намъ ввѣреннымъ и добромъ, которое мы можемъ дѣлать,— въ двадцать лѣтъ, — мы обыкновенно дѣйствуемъ согласно съ нашими чувствами. Сердца, изъ которыхъ не изгладилась еще привязанность къ семейному кругу, во всѣхъ товарищахъ видятъ друзей. Стремясь къ добру, мы охотно признаемъ превосходства нашихъ предшественниковъ, и стараемся имъ подражать. Въ семъ пламенномъ порывѣ мы сильнѣе убѣждены въ необходимости дисциплины; но должно сознаться, что вообще этотъ первый восторгъ слишкомъ непродолжителенъ. Вскорѣ дисциплина утомляетъ, подчиненность огорчаетъ—и неудовольствіе, происходящее отъ принужденія, заставляетъ насъ, съ очевиднымъ противорѣчіемъ, жаловаться то на непослушаніе подчиненныхъ, то на строгость Начальника. Скучно оставаться въ одномъ чинѣ, сроки производства кажутся слишкомъ долгими.

Чтобы не обвинили насъ въ безразсудствѣ, мы стараемся оправдываться. Начинаемъ разбирать достоинства начальниковъ, подсматри-

ваемъ ихъ недостатки, съ удовольствіемъ исчисляемъ ихъ ошибки и слабости—забывая, что въ самое то время, когда порицаемъ старшихъ, подчиненные подражаютъ намъ и осуждаютъ насъ самихъ. Произнеся пристрастный и слѣдовательно неосновательный приговоръ начальникамъ, мы начинаемъ завидовать сану, на который, по нашему мнѣнію, имѣемъ болѣе права. Мы хотимъ достигнуть его; честолюбіе возрастаетъ и, подкрѣпленное себялюбіемъ и тщеславіемъ, изглаживаетъ съ каждымъ днемъ одно изъ прекрасныхъ чувствъ юности, и дѣлаетъ насъ соперниками товарищей, имѣющихъ одинаковыя съ нами притязанія. Справедливое или незаслуженное предпочтеніе, оказанное другому, огорчаетъ насъ; мы хотимъ или сравниться съ нимъ, или опередить его. Это постоянное стремленіе превращается иногда въ страсть, которая сушитъ сердце, усыпляетъ совѣсть и разрываетъ союзы, основанные на дружбѣ. Въ товарищахъ мы видимъ уже не братьевъ, а соперниковъ; и мы должны замѣтить ту важную истину, что при-

страстное распредѣленіе наградъ убиваетъ нравственную силу арміи; что оно есть преступленіе противъ отечества и погрѣшность въ отношеніи къ лицамъ: ибо, вредя частнымъ выгодамъ, оно заражаетъ нравы, охлаждаетъ усердіе и ревность, которыя уступаютъ мѣсто подлымъ происканъ. Вотъ почему общее мнѣніе справедливо, когда оно осмѣиваетъ и клеймитъ пристрастную власть, оказывающую подобныя милости и безстыдство, выпрашивающее и получающее оныя. Обратимся къ нашему предмету.

Гдѣ братство можетъ быть необходимѣе, какъ не на поприщѣ, на которомъ мы ежедневно можемъ имѣть нужду въ пособіи, которое сами оказали другому деньгами, или совѣтами? Ахъ, еслибъ и всякій жаръ погасъ въ душѣ, то собственная польза убѣждала бы насъ еще искать братьевъ въ товарищахъ! Но тому, въ чьемъ сердце таятся еще нѣкоторыя искры чувствительности, мы скажемъ: военныя обязанности не отдаляютъ ли насъ безпрерывно отъ предметовъ нашей приви-

занности, не лишаютъ ли насъ часто семейныхъ наслажденій? Постараемся же сотворить себѣ новое семейство между сослуживцами. Мы можемъ найти, среди равныхъ себѣ, братьевъ, которые будутъ питать къ намъ искреннюю, основанную на уваженіи, привязанность: нашъ долгъ будетъ состоять въ томъ, чтобы оказывать имъ пособія, не оскорбляя ихъ самолюбія; судить безпристрастно ихъ поступки; говорить снисходительно объ ихъ ошибкахъ. Мы можемъ найти въ подчиненныхъ дѣтей, которыхъ сужденія будутъ не менѣе лестны; признательность не менѣе жива; пособія не менѣе дѣйствительны.

Такія наслажденія стоятъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ несправедливыхъ преимуществъ или незаслуженныхъ наградъ, куплепныхъ цѣною дружбы товарищей и спокойствія совѣсти. Не счастливъ ли тотъ, кто не принужденъ никогда потуплять взора и, подавая руку товарищу, увѣренъ, что уваженіе и пріязнь отвѣтятъ на его привѣтствіе; кто можетъ сказать себѣ: изъ людей, мнѣ подчиненныхъ,

каждый готовъ, въ часъ опасности, прикрыть меня собою.

Въ Испанскую войну, въ 1810 году, молодой Подпоручикъ, только что вышедшій изъ школы и получившій гренадерскій взводъ, велъ его на редутъ, уже потерпѣвшій отъ дѣйствія артиллеріи. Онъ бросается въ ровъ, и за нимъ храбрые его сподвижники; онъ достигалъ уже гребня полуразрушеннаго бруствера, когда почувствовалъ, что сильная рука тащитъ его назадъ. Онъ оборачивается съ негодованіемъ и видитъ стараго гренадера, котораго загорѣлое чело, безстрашное сердце, раны, шевроны и посѣдѣвшій усъ внушали уваженіе столь юнымъ начальникамъ. Солдатъ, не смущаясь гнѣвомъ офицера, становится смѣло передъ нимъ, говоря: «славно, господинъ Подпоручикъ, славно! вы лихой малый, но пустите меня: тутъ не ваше мѣсто.»

Этотъ офицеръ, впослѣдствіи произведенный въ Генералы, часто повторялъ, что изъ всѣхъ блистательныхъ успѣховъ его военнаго

поприща, ни одинъ не произвелъ въ немъ столь сладостнаго впечатлѣнія, какъ это грубое доказательство участія и уваженія.

VI.

О НАЧАЛЬСТВОВАНІИ.

Чѣмъ безусловнѣе покорность, тѣмъ труднѣе обязанности начальника. Важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы прикрывать своимъ именемъ и предоставленною властью дѣйствія подчиненныхъ. Различныя власти въ арміи составляютъ цѣпь, которой всѣ звѣна такъ соединены между собою, что каждое отвѣчаетъ за послѣдующія. Никто не долженъ дѣйствовать безъ приказанія, или разрѣшенія высшей власти; такъ помочи необходимы для слабаго и неопытнаго ребенка. Мы связаны повиновеніемъ. Васъ обременяетъ власть: если хотите, чтобы вамъ повиновались, — умѣйте начальствовать; если гордитесь похвалами, то знайте, что васъ ожидаютъ и порицанія; если мы зависимъ отъ васъ, то вы за насъ отвѣчаете. Какимъ стыдомъ покрываетъ себя на-

чалышкъ, который, въ войнѣ иноземной, или въ междоусобныхъ браняхъ, отдаетъ двусмысленныя или неполныя приказанія, дабы въ случаѣ успѣха приписать всю славу себѣ, а въ случаѣ неудачи сложить вину на подчиненнаго! Это значитъ уничтожить повиновеніе и преданность, и унизить себя, не по невѣдѣнію; но, что гораздо презрительнѣе, изъ малодушія, которое неприлично начальнику.

Въ арміи каждому предоставлена извѣстная власть, и проходя чрезъ низшія степени, мы готовимся къ занятію высшихъ, потому что духъ начальствованія не измѣняется, и только отвѣтственность возрастаетъ съ властью. Мы равно обязаны требовать повиновенія и оказывать его, кому слѣдуетъ; подавая собою примѣръ повиновенія, мы пріобрѣтаемъ право на повиновеніе младшихъ. Но силы примѣра, подкрѣпленной всею строгостью военныхъ законовъ, еще недостаточно; нужны твердость и благоразуміе для достиженія того, чтобы подчиненные повиновались не только

безпрекословно, но и охотно. Тотъ только можетъ быть достойнымъ начальникомъ, кто постигъ всю важность этого званія; и въ этомъ отношеніи нравственныя обязанности возвышеніе и труднѣе обязанностей, начертанныхъ въ уставахъ. Надобно покорять людей своей волѣ, не оскорбляя,—господствовать надъ страстями, не унижая нравственнаго достоинства,—побѣждать сопротивленія, не возбуждая непокорности: но мы покоряемся всего охотнѣе истинному превосходству, душевнымъ качествамъ, просвѣщенному уму, искусству привязывать къ себѣ сердца; мы безропотно признаемъ власть, которая, наказывая проступокъ, уважаетъ человѣка; мы безпрекословно покоряемся силѣ законовъ, независимой отъ произвола или прихоти. Вліяніе офицера должно быть основано не на одномъ мундирѣ, но на нравственномъ превосходствѣ.

Намъ врождено чувство сопротивленія незаконнымъ властямъ и преимуществамъ, которое должно уважать, потому что оно осно-

вано на понятіи о справедливости и на самолюбіи. Оно просвѣщаетъ массы, когда страсти не ослѣпляютъ ихъ, и внушаетъ имъ сужденія вообще основательныя. И такъ, эполеты начальника не доставятъ ему почтенія, если онъ не заслуживаетъ его личными качествами. Въ противномъ случаѣ права его составляютъ отвлеченное понятіе, непостижимое для непросвѣщенныхъ людей, и ограждаются только уголовнымъ уложеніемъ.

Если мы не можемъ добровольно покориться человѣку, не имѣющему способностей и благороднаго характера: то не трудно понять, что солдатъ не охотно повинуется офицеру, который оказываетъ малодушіе въ сраженіи, способенъ къ предосудительнымъ поступкамъ или предпочитаетъ удовольствія своему долгу; и потому, благородныя чувства и воздержаніе столь же необходимы для него, какъ и храбрость.

Если мы уважаемъ высокій характеръ: то обширныя познанія внушаютъ довѣренность; онѣ дѣйствуютъ на самые ограниченные умы,

когда не сопряжены съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ. Это уваженіе къ познаніямъ сдѣлалось нынѣ чертою народнаго характера, когда умственныя способности суть единственныя преимущества, признаваемыя безъ споровъ и зависти. Какъ несправедлива мысль, слишкомъ-часто повторяемая въ школахъ, что офицеръ достаточно образованъ, когда умѣетъ командовать баталіономъ! Конечно, каждый счелъ бы за стыдъ не довершить своего образованія, если бы зналъ, какое обширное поприще могутъ открыть ему науки.

«Военная наука составляетъ цѣлую энци-«клопедію,» восклицаетъ Фоларъ.

«Человѣкъ, изучившій всѣ отрасли воен-«наго искусства, есть нравственный Фено-«менъ,» говоритъ Гиберъ.

Наконецъ, Тюрпенъ де Крисе произноситъ слѣдующій приговоръ, который мы должны запечатлѣть въ памяти, чтобы питать въ себѣ любовь къ трудамъ и умственнымъ занятіямъ: «офицеръ, не простирающій своихъ

«видовъ за предѣлы занимаемой имъ степени,
«не призвать къ высокому назначенію». Далѣе онъ прибавляетъ: «Военный долженъ за-
«ниматься и днемъ и ночью, чтобы усовер-
«шенствовать себя. Это предписываетъ ему
«долгъ воина и гражданина; отечество въ пра-
«вѣ требовать отъ него отчета въ употреб-
«леніи времени. Можно быть посредствен-
«нымъ во всякомъ другомъ званіи, но въ томъ,
«отъ котораго зависятъ жизнь, честь и до-
«стояніе согражданъ, необходимо достиг-
«нуть совершенства ..... Можно занимать
«высшую степень, не имѣя надлежащихъ ка-
«чествъ; можно также заслужить повышеніе
«и не получить чина. Главное не въ томъ,
«чтобы насъ произвели, но въ томъ, чтобы
«мы были достойны такого отличія. И такъ,
«будемъ безпрерывно изучать обязанности
«званія нашего.»

Вотъ средства къ пріобрѣтенію неоспорима-го превосходства. Такимъ образомъ утвердится власть начальника. Убѣжденъ будучи въ сво-емъ вліяніи, онъ будетъ пользоваться имъ съ

твердостью, но безъ высокомѣрія; подчиненный повинуется съ довѣріемъ и покорностью, безъ возраженій потому: что приказанія, согласныя съ обстоятельствами, уже были взвѣшены съ правами и обязанностями каждаго, и что начальникъ долженъ помнить то, что дисциплина велитъ намъ забывать. Исполненіе будетъ скорое; ибо замедленіе есть почти ослушаніе, и въ виду непріятеля утраченныя мгновенія считаются по числу убитыхъ.

Искусство управлять людьми заключается въ томъ, чтобы дѣйствовать на ихъ страсти. Какая господствующая страсть Французовъ? Взгляните на эти неподвижныя и безмолвныя шеренги: издали кажутся онѣ удивительными машинами, которыя голосъ человѣка приводитъ въ движеніе или останавливаетъ, которымъ слово сообщаетъ жизнь и которыя не имѣютъ собственной воли. Но разсмотрите ихъ вблизи, и вы замѣтите, что между тѣмъ какъ дыханіе и подвижность взоровъ изобличаютъ физическое бытіе, признаки не менѣе очевид-

ные обнаруживаютъ нравственную жизнь. Посмотрите, какъ эти люди измѣняются въ лицѣ: какъ заслуженное порицаніе покрываетъ ихъ краскою стыда, какая внезапная блѣдность проявляется на нихъ при несправедливомъ и оскорбительномъ упрекѣ, на который они не смѣютъ отвѣчать; посмотрите, какая отвага оживляетъ ихъ взоры при похвалахъ, какимъ стыдомъ онѣ омрачаются при выговорахъ. Въ этихъ рядахъ есть душа; въ этихъ жилахъ течетъ благородная кровь; въ этихъ сердцахъ, скованныхъ законами воинской подчиненности, обитаютъ хорошія и дурныя склонности, любовь и вражда, признательность и мщеніе. Всѣ эти люди, которыхъ вы находили столь грубыми, готовы отвѣчать на всесильный голосъ чести. Честь! источникъ великихъ подвиговъ, душа военной жизни, глубокое сознаніе собственнаго достоинства — творитъ людей безстрашныхъ и добродѣтельныхъ, внушаетъ стремленіе къ доблестнымъ дѣламъ, отвращеніе отъ постыдныхъ средствъ, пламенное желаніе исполнить долгъ и оправдать

общее мнѣніе. Это глубокое и безкорыстное чувство сильнѣе и возвышеннѣе славолюбія. Послѣднее требуетъ громкихъ рукоплесканій; первое довольствуется безмолвнымъ свидѣтельствомъ совѣсти; честолюбецъ ищетъ похвалъ; человѣкъ, руководимый честью — внутренняго самодовольствія. Не воспользоваться такимъ средствомъ, было бы не несчастіемъ, а ошибкою.

Это нѣжное, раздражительное чувство можетъ быть соглашено съ дисциплиною и необходимостью наказаній, но не позволяетъ унижать человѣка. Солдатъ есть подчиненный, но не рабъ. Онъ повинуется начальнику, но не принадлежитъ ему. Офицеръ только исполнитель законовъ, на которыхъ основаны его власть, права и обязанности: самъ собою, какъ человѣкъ, можетъ ли онъ быть чѣмъ инымъ, какъ товарищемъ всѣхъ служащихъ подъ однимъ знаменемъ? Вотъ истины, которыя солдатъ чувствуетъ, не разбирая ихъ; забывая оныя, офицеръ оскорбляетъ всѣхъ: дѣлаетъ однихъ подлыми рабами, другихъ воз-

буждаетъ къ явному сопротивленію. Требуя повиновенія, должно уважать въ подчиненномъ званіе его и достоинство человѣка. Онъ въ правѣ ожидать этого и потому еще, что завтра можетъ занять наше мѣсто, и что мы обязаны оставить ему примѣръ, достойный подражанія. Но подобное уваженіе не есть слабость; и если съ одной стороны должно карать не столько минутныя заблужденія, сколько дурныя наклонности и важные проступки: то съ другой, горе начальнику, который оказываетъ излишнюю снисходительность; онъ отвѣчаетъ за преступленія, которыя допустилъ совершить; пагубное бездѣйствіе его заставляетъ презирать власть. Такъ думалъ одинъ достойный офицеръ, который часто повторялъ: никогда не прощайте первой вины, чтобы не поставить себя въ необходимость строго наказать вторую. Доказывая пользу благоразумной строгости, мы не одобряемъ жестокаго и слѣпаго примѣненія воинскихъ уставовъ. Искусный всадникъ то опускаетъ, то укорачиваетъ поводья,

смотря по свойствамъ коня; такъ долженъ поступать и благоразумный начальникъ, изучившій характеры подчиненныхъ. Онъ ободряетъ робкаго и внушаетъ ему довѣренность, усугубляющую ревность его къ добру; наказаніями, не оскорбляющими чести, и увѣщаніями, приводящими къ раскаянію, умѣряетъ сильныя и пылкія страсти того, кто скучаетъ однообразною гарнизонною жизнью. Подобные люди имѣютъ свою цѣну и, среди опасностей, являются часто отличными солдатами, подающими примѣръ мужества и неустрашимости.

Во всемъ зло перемѣшано съ добромъ, въ начальникѣ и подчиненномъ, въ человѣкѣ, отдѣльно взятомъ, и въ толпахъ. Во всемъ нужно развивать полезныя начала, для противудѣйствія вреднымъ. Во всякомъ собраніи людей, арміи, народѣ, полку, менѣе порочныхъ, нежели добродѣтельныхъ. Но одаренные, большею частью, сильною волею, первые выказываютъ себя, увлекаютъ другихъ своимъ примѣромъ, возбуждая въ нихъ страхъ

подвергнуть себя насмѣшкамъ и ослѣпляя мнимымъ величіемъ. Напротивъ того, добродѣтельные бываютъ часто слабы и имѣютъ нужду въ покровительствѣ власти; когда она оказываетъ имъ защиту: то и они въ свою очередь готовы поддержать ее; но и начальникъ долженъ облегчать обязанности, чтобы ихъ лучше исполняли; въ этомъ отношеніи, все зависитъ отъ него. Начальникъ ничего не теряетъ, оказывая доброжелательство; и только въ этомъ смыслѣ можно понимать не столько точное, сколько лаконическое выраженіе: отеческая дисциплина, которое было виною многихъ ошибокъ, потому что его не умѣли отличить отъ слабости.

Тюреню всегда охотно повиновались; солдаты называли его отцемъ и, несмотря на то, войска Тюреня были образцемъ дисциплины. Нельзя предложить лучшаго примѣра офицерамъ, какого бы чина они ни были. Должно пещись о нуждахъ подчиненныхъ, облегчать ихъ труды, избѣгать всего, что можетъ безполезно увеличивать непріятность

ихъ положенія. Необходимо, чтобы каждый находилъ въ начальникѣ не только строгаго блюстителя власти, но и великодушнаго защитника. Это предписываетъ намъ и человѣколюбіе, которое считаетъ всѣхъ ближнихъ братьями, и любовь къ отечеству, которая требуетъ, чтобы мы сохраняли ему защитниковъ, дорожа ихъ жизнью и заставляя ихъ любить свои знамена. Наконецъ, даже личныя наши выгоды согласны съ столь благородными побужденіями: и мы должны привязать къ себѣ солдатъ, отъ которыхъ всегда зависитъ наша слава, а иногда и наше спасеніе. Французскій солдатъ расположенъ любить своего начальника: онъ наблюдаетъ въ молчаніи, помнитъ добро и зло, которое ему дѣлаютъ, и, въ день опасности, своею кровью платитъ долгъ признательности.

Мы знаемъ, что столь мелочныя обязанности требуютъ постоянной попечительности, неутомимаго терпѣнія, основательнаго изученія людей и самаго себя и сильной воли, которыя во Франціи встрѣчаются рѣже,

нежели мужество. Таковъ трудный долгъ воина; но исполненіе его составляетъ единственный способъ отличиться въ мирное время.

VII.
О ВОИНСКОМЪ ЕДИНОДУШІИ.

(ESPRIT DE CORPS.)

Взаимное дружество между товарищами порождаетъ привязанность воиновъ къ полку, къ роду войска, иногда къ арміи, къ которой они принадлежатъ. Это чувство, основанное на уваженіи каждаго ко всѣмъ, заставляетъ требовать, чтобы всѣ раздѣляли наше мнѣніе, и внушаетъ новую довѣренность къ самому себѣ: оно служитъ залогомъ успѣха и чести, всѣхъ одушевляющей; оно сильнѣе всѣхъ постановленій. Должно питать его, не опасаясь даже превратить въ пламенную страсть. Но это полезное средство можетъ быть употреблено во зло и сдѣлаться гибельнымъ орудіемъ, если начальники, обязанные поддерживать его, не дадутъ ему благоразумнаго направленія.

Въ военномъ порядкѣ общія понятія проистекаютъ обыкновенно отъ начальниковъ, отъ ихъ прямаго или посредственнаго вліянія: отъ нихъ зависитъ внушать здравыя мнѣнія, искоренять вредныя; примѣръ и наставленія Генерала дѣйствуютъ всегда на подчиненныхъ, каково бы ни было расположеніе умовъ. Уваженіе, внушаемое саномъ, опытностію; сила привычки; славныя воспоминанія, и даже самый блескъ мундира, производятъ это неизбѣжное вліяніе. Пользуясь имъ, начальникъ наставленіями, примѣрами, выговорами, и въ случаѣ нужды, строгими наказаніями, долженъ отвращать злоупотребленіе духа товарищества. Оно начинается за чертою чести и подчиненности. Духъ товарищества становится преступнымъ, когда возбуждаетъ подчиненныхъ противъ начальниковъ, и опаснымъ, когда зависть заступаетъ мѣсто соревнованія.

Мы не упомянули бы о сихъ различіяхъ, если бы зрѣлое размышленіе не убѣждало насъ, что превратное толкованіе словъ ведетъ къ проступкамъ: люди всего чаще впа-

дают въ погрѣшности неумышленно, отъ неправильныхъ понятій. Такимъ образомъ, послѣдствія не соотвѣтствуютъ иногда намѣреніямъ: неосновательно разсуждая о своемъ поведеніи, мы замѣняемъ вещи словами; и преступникъ почитаетъ себя невиннымъ, назвавъ свой проступокъ именемъ добродѣтели. Скупость становится бережливостію, расточительность — щедростью, трусость — благоразумiемъ, хвастовство — отважностію, зависть и духъ неповиновенія — духомъ товарищества. Мелкія страсти, своекорыстіе и тщеславіе, выставляются высокими качествами.

Если долгъ повиновенія не позволяетъ воину внимать голосу самолюбія: то оно не должно проявляться въ несогласіяхъ, порождаемыхъ завистью. Исторія показываетъ намъ, какими несчастіями и ошибками онѣ сопровождаются: здѣсь генералъ не хочетъ повиноваться главнокомандующему; тамъ завистникъ умышленно ускоряетъ или замедляетъ движеніе своего отряда, чтобы оставить соперника безъ подкрѣпленія или лишить его славы по-

бѣды и проч. Тюрень, о которомъ нельзя не упомянуть, говоря о военныхъ добродѣтеляхъ, сражался подъ предводительствомъ Конде и, умѣвъ начальствовать, умѣлъ и повиноваться. Тюрень былъ сначала простымъ волонтеромъ, потомъ капитаномъ, наконецъ генераломъ; онъ побѣждалъ Конде и лучше его зналъ ратное искусство.

Несогласія, прикрываемыя именемъ воинскаго единодушія, не допускаются симъ послѣднимъ: ибо самое слово доказываетъ, что оно несовмѣстно съ личными побужденіями; и если каждый воинъ обязанъ жертвовать собою той части войска, къ которой онъ принадлежитъ: то эта часть, съ своей стороны, должна жертвовать собою всей арміи, а армія — Государственной пользѣ.

Предположимъ извѣстные случаи, чтобы разительнѣе представить эти истины. Пріятно читать свое имя въ приказѣ, отданномъ по арміи послѣ битвы: подобное отличіе есть самая лестная награда для мужества; но что было бы съ Государствомъ, если бы двѣ ча-

сти войска, вмѣсто того, чтобъ идти на врага, вступили въ бой между собою за честь сразиться съ нимъ? Когда въ баталіонѣ гренадеры и стрѣлки гордятся своими помпонами и почитаютъ себя избранными воинами: то это мнѣніе имѣетъ выгодныя послѣдствія и внушаетъ взводамъ, составленнымъ изъ отборныхъ людей, желаніе доказать свое превосходство мужествомъ въ битвахъ и повиновеніемъ въ станѣ. Но чего должно ожидать, если они отдѣлятся отъ баталіона, въ рядахъ коего имъ назначено сражаться, чтобы доказать это превосходство; если они станутъ помышлять о своихъ преимуществахъ, а не о долгѣ? Когда воинское единодушіе, отличающее роту, заставляетъ ее забывать преданность къ баталіону: то разрушаетъ единство цѣлаго, влечетъ за собою утрату силъ и угрожаетъ явною опасностію. Скажутъ, что подобныхъ примѣровъ не было; но распространите кругъ вашихъ наблюденій, и вы удостовѣритесь, что если, по вашему мнѣнію, этого не можетъ случиться между двумя ротами одного баталіона:

то это происходило между двумя родами войска, причисленными къ одной и той же дивизіи, между двумя дивизіями одной и той же арміи; а когда изъ двухъ дѣйствій одной и той же причины, мы видѣли уже одно: то можемъ ли отвѣчать, что не увидимъ и другаго? Нѣтъ сомнѣнія, что должно положить предѣлы духу, производящему иногда подобные безпорядки.

Однимъ словомъ, различныя части войска должны оказывать взаимное содѣйствіе другъ другу; и единодушіе, господствующее въ каждой изъ нихъ, должно служить къ утвержденію общаго единодушія, а не ослаблять его.

Это правило не трудно исполнять тому, кто не теряетъ изъ виду пользы государства и отечественнаго оружія, — не руководствуется личными побужденіями. Можемъ ли мы хвалиться любовью къ отечеству, когда дѣйствовали изъ корыстныхъ видовъ? Можемъ ли говорить о преданности, когда не пожертвовали этому чувству, не только никакою

вещественною выгодою; но даже и жалкими выгодами тщеславія? Въ арміи ни одинъ родъ войска не имѣетъ превосходства надъ другимъ; каждый важенъ и можетъ быть употребленъ съ пользою, смотря по обстоятельствамъ. Такъ надлежитъ думать просвѣщенному офицеру. Есть роды службы, требующіе особенныхъ познаній, и потому офицеры, посвятившіе себя имъ, чаще прочихъ употребляются для занятій, съ которыми они имѣли случай ознакомиться; но это не даетъ имъ никакого исключительнаго права. Самыя оспоривательныя притязанія должны уступать убѣжденію, что всѣ части войска обязаны защищать Государство, а не преимущества свои. Счастливъ, кто оказываетъ самыя разнообразныя услуги; но чтобы заслужить предпочтеніе предъ нимъ, надлежитъ превзойти его.

Притомъ, если часть войска или человѣкъ, почитаютъ себя однихъ способными къ извѣстному роду службы: то расположены пренебрегать другими, въ которыхъ такое предубѣжденіе можетъ родить ненависть; на-

конецъ, кто думаетъ, что не имѣетъ соперниковъ, тотъ почитаетъ себя необходимымъ и можетъ скоро забыть повиновеніе, чтобы предписывать законъ.

Нарушеніе права, коимъ мы пользовались, унижаетъ насъ; и если позволено жаловаться на подобное дѣйствіе: то, безъ сомнѣнія, тогда, когда мы ищемъ славныхъ опасностей или желаемъ оказать услугу. Но и въ этомъ случаѣ не должно выходить изъ предѣловъ священнаго долга повиновенія. Самое раздражительное самолюбіе безмолвствуетъ, или находитъ средство объясниться, не преступая законовъ подчиненности.

При осадѣ Магона случился примѣръ, достойный подражанія. Дѣлая распоряженія къ аттакѣ, Генералъ, безъ умысла, или не желая жертвовать отличными солдатами, назначилъ гренадерамъ слѣдовать за войскомъ другаго рода. Узнавъ объ этомъ приказаніи и пылая ревностью сохранить почетное мѣсто, офицеръ, командовавшій гренадерами, является къ Генералу и умоляетъ его измѣнить на этотъ

разъ своему обыкновенію и не находиться въ головѣ отряда. Изумленный такою просьбою, Генералъ спрашиваетъ о причинѣ и требуетъ объясненія. «Генералъ», отвѣчаетъ офицеръ, «гренадеры привыкли видѣть врага во всякомъ, кто предъ ними; и я опасаюся, чтобы съ вами не случилось несчастія». Столь умное представленіе произвело ожидаемое дѣйствіе. Приказаніе было отмѣнено, и гренадеры заняли принадлежавшее имъ мѣсто.

Такъ должно жаловаться: не допуская, чтобы чувство чести торжествовало надъ долгомъ повиновенія, и не забывая, что для Государства важно не то, кто ему служитъ, а то, какъ ему служать.

VIII.

ОСОБЕННЫЯ ОБЯЗАННОСТИ.

ОБЪ ОФИЦЕРѢ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Эти трудныя и многочисленныя обязанности суть общія. Начало, изъ котораго онѣ непосредственно проистекаютъ, распространяетъ ихъ на всѣ роды войска, всѣ чины, всѣ возрасты; на генерала, предводительствующаго колонною, и на подпоручика, стоящаго въ замкѣ. Но чѣмъ выше степень, на которой мы стоимъ, тѣмъ многообразнѣе и важнѣе эти обязанности: съ одной стороны, трудно оказать превосходство, имѣя отличныхъ подчиненныхъ; а съ другой, ошибки не извиняются болѣе молодостью или неопытностью, — хорошій или дурной, опасный или спасительный примѣръ дѣйствуетъ на бо́льшее число людей. Однако же не одно высокое

званіе налагаетъ многообразныя обязанности. Есть нисшія степени, которыя затрудняютъ исполненіе долга по разнородности занятій, съ ними сопряженныхъ: таково положеніе офицера Генеральнаго Штаба.

На чей счетъ всего скорѣе готовы сократить государственные расходы? Чьи заслуги такъ худо цѣнятся? Если онъ бываетъ иногда предметомъ чрезмѣрнаго удивленія, походящаго почти на иронію: то, еще чаще занятія его почитаются болѣе блистательными, нежели полезными, и обыкновенно ему отказываютъ въ томъ лестномъ уваженіи, которое основано на знаніи дѣла. Цѣль, которую мы предположили себѣ, требуетъ, чтобы мы отдали ему справедливость, какъ и всѣмъ.

На границѣ, попеченіями его образуются полки и корпуса; при содѣйствіи чиновниковъ, завѣдывающихъ хозяйственною частью, онъ обезпечиваетъ средства къ войнѣ, заготовляетъ снаряды и продовольствіе, учреждаетъ госпитали; онъ есть орудіе, посредствомъ котораго полководецъ одушевляетъ

всѣ войска и, согласно съ общимъ предначертаніемъ, направляетъ ихъ къ предѣламъ государства. Еще шагъ — и начинается война.

Въ сраженіи, стрѣлки разсыпаются, чтобы заманить непріятеля; пѣхота образуетъ густыя колонны, чтобы вытѣснить его изъ занимаемыхъ имъ позицій, или развертываетъ свои линіи, чтобы на всѣхъ пунктахъ подвергать его дѣйствію выстрѣловъ; конница, болѣе способная къ быстрому и сильному натиску, прикрываетъ всѣ движенія, выжидаетъ непріятеля, чтобы нанесть ему неожиданный ударъ, или опрокидываетъ его пѣхоту; эскадроны легкой кавалеріи обходятъ непріятеля и нападаютъ на него съ тылу, чтобы завладѣть его обозомъ и паркомъ; смѣлый, неутомимый, ловкій артиллеристъ, при аттакѣ и оборонѣ, оказываетъ важное содѣйствіе, бросая ядра и картечь. Что дѣлаетъ между тѣмъ офицеръ Генеральнаго Штаба? Рука его не наноситъ ударовъ, лице не почернѣло отъ пороховаго дыма, мечь не выходилъ изъ ноженъ: но на

разсвѣтѣ, выѣхавъ къ застрѣльщикамъ, снялъ онъ наскоро непріятельскую позицію; въ огнѣ подъ свистомъ пуль, онъ указывалъ колоннамъ пункты, которые имъ надлежало аттаковать; стоя неподвижно, онъ опредѣлялъ собою дирекціональныя линіи на полѣ битвы, и служилъ мишенью для непріятельскихъ выстрѣловъ; онъ былъ при кавалерійскихъ аттакахъ, устроилъ засаду, провелъ отрядъ по тропинкѣ, чтобы разбитому непріятелю пресѣчь путь къ отступленію.

Въ станѣ, ночь водворяетъ спокойствіе; темнота и усталость прекращаютъ кровопролитіе, войска отдыхаютъ. Но между тѣмъ какъ физическая сила усыплена, мысль бодрствуетъ: генералъ и штабъ его работаютъ. Они исчисляютъ понесенныя потери, пріуготовляютъ будущіе успѣхи: одинъ описываетъ подвиги героевъ, которыхъ имена будутъ провозглашены завтра; другой составляетъ планъ, важный для Исторіи; третій занимается подробностями общихъ распоряженій; четвертый передаетъ словесно тайныя

приказанія генерала, или доноситъ ему о состояніи госпиталей и магазиновъ, о продовольствіи солдата. Вы замѣтили офицера, который, до утренней зари, при умирающемъ свѣтѣ бивачныхъ огней, отправился въ сопровожденіи слабаго кавалерійскаго отряда: то былъ Офицеръ Генеральнаго Штаба. Онъ долженъ открыть сообщеніе чрезъ горы, бродъ чрезъ рѣку, узнать, гдѣ предѣлъ лѣса: ему предстоятъ труды и опасности; но успѣхи и подвиги его, не будутъ никѣмъ замѣчены, не будутъ провозглашены.

Подобная же участь ожидаетъ его во время мира. Наборы конскриптовъ, судебная и исполнительная часть, лагерныя расположенія, инспекторскіе смотры, составленіе военныхъ картъ и статистическихъ вѣдомостей, занимаютъ его время, обогащая его умъ новыми познаніями. Сносясь безпрестанно между собою и съ штабами департаментовъ, дивизіонные штабы распространяютъ на всю армію, на всю Францію дѣйствіе высшей власти, которая, посредствомъ ихъ, оживляетъ всѣ части

обширнаго цѣлаго. Какъ въ человѣческомъ тѣлѣ нервы, представляющіе непонятное и съ перваго взгляда незамѣтное устройство, простираясь отъ головы до конечностей, передаютъ волю, произведеніе ума, и приводятъ въ движеніе мускулы, исполняющіе ее; или, обращаясь отъ конечностей къ источнику жизни, направляютъ внѣшнія ощущенія къ общему центру: такъ генеральный штабъ, не имѣя непосредственной власти, тѣмъ не менѣе есть орудіе воли главноначальствующаго, который посредствомъ его дѣйствуетъ на всѣхъ подчиненныхъ.

Офицеры Генеральнаго Штаба изучаютъ и раздробляютъ волю начальника, чтобы передать ее, кому слѣдуетъ. Ихъ глазами обозрѣваетъ генералъ мѣстность, усматриваетъ ея выгоды и неудобства: основываясь на ихъ донесеніяхъ, наблюдаетъ онъ за непріятелемъ, угадываетъ его намѣреніе, слабую сторону, надежды; когда же наступитъ рѣшительный часъ, онъ не усомнится послать въ сильнѣйшій огонь молодыхъ повѣренныхъ своихъ пред-

начертаній, между тѣмъ какъ польза арміи и Государства не позволяютъ ему подвергать опасности своей собственной жизни, отъ которой зависитъ спасеніе всѣхъ.

И такъ, истинное назначеніе Генеральнаго Штаба состоитъ не въ томъ, чтобы лѣстить тщеславію генерала, какъ стараются доказать витіи, повторяя безпрерывно заученныя ими слова: *многочисленные и блистательные штабы*. Мы знаемъ, что блескъ не нуженъ для Штаба, не желаемъ чтобы онъ былъ многочисленъ: ибо число людей не всегда способствуетъ скорому и успѣшному теченію дѣлъ; но мы убѣждены, что онъ долженъ быть свѣдущъ, дѣятеленъ и усерденъ: свѣдущъ, ибо ему ввѣряются всѣ подробности распоряженій; дѣятеленъ, ибо не позволено медлить, когда должно исполнять приказанія генерала или удовлетворить нуждамъ солдата; усерденъ, ибо примѣняетъ свои свѣдѣнія ко всему, и оказываетъ свою дѣятельность какъ днемъ, такъ и ночью.

И этотъ-то Штабъ называютъ аристократическимъ учрежденіемъ, безполезнымъ бременемъ для государства, сословіемъ, пользующимся исключительными правами! Состоя при генералѣ, онъ находится у самаго источника наградъ; но блескъ не обезпечиваетъ благосостоянія: тутъ, какъ и на престолѣ, заботы сопровождаютъ величіе; и не рѣдко сидя за столомъ генерала, Офицеръ Генеральнаго Штаба жалѣетъ о скромныхъ, но веселыхъ обѣдахъ офицеровъ того полка, въ рядахъ коего онъ началъ свое поприще. На войнѣ, онъ лишенъ пособій, которыми пользуется фрунтовой офицеръ: и долженъ отказаться отъ всѣхъ блестящихъ надеждъ, если состояніе его столь ограничено, что лошадь, падшая отъ усталости, составила бы невозвратную для него потерю. Во время мира, переходя безпрестанно отъ принужденнаго и невыгоднаго бездѣйствія къ дѣятельности, вовлекающей его въ значительныя издержки, онъ расточаетъ свое достояніе или, по недостатку средствъ къ содержанію, принужденъ

искать неважнаго мѣста, которое, вѣроятно, заградитъ ему путь къ повышенію. Хотя блистательнѣйшее положеніе имѣетъ свои непріятности; но оно возбуждаетъ зависть, которую только скромность и истинное достоинство могутъ обезоружить, или, по крайней мѣрѣ считается преимуществомъ, которое должно заслужить необыкновеннымъ усердіемъ. Убѣжденіе въ важности нашихъ обязанностей внушитъ намъ эти чувства. Зная, какая отвѣтственность лежитъ на немъ, Офицеръ Генеральнаго Штаба пойметъ, что долженъ имѣть всѣ воинскія добродѣтели. Но несмотря на всѣ усилія, онъ увидитъ, что не можетъ исполнять всего, что отъ него требуется; и это горькое сознаніе умѣритъ гордость, которую могло возбудить въ немъ сближеніе съ людьми, занимающими почетную степень въ арміи.

Строгая жизнь прилична важнымъ обязанностямъ; и потому, не желая чтобы Штабъ былъ блистателенъ и многочисленъ, мы полагаемъ, что лица, къ нему принадлежащія,

должны доказывать своими словами и поступками, что вполнѣ постигаютъ свой долгъ. Одежда ихъ должна во всемъ соотвѣтствовать предписанной формѣ, изобличая привычку, во всѣхъ подробностяхъ, подчинять свою волю установленному порядку. Благоразуміе требуетъ не подавать повода къ нареканію, что дѣйствіе общихъ постановленій не распространяется на Штабъ: онъ не долженъ казаться независимымъ въ глазахъ тѣхъ, которые обязаны исполнять сообщаемыя имъ приказанія. Краснорѣчіе проповѣдника не убѣждаетъ насъ, когда мы знаемъ, что жизнь его несогласна съ его ученіемъ, и что онъ не повинуется священнымъ уставамъ, которые почитаетъ нужными для народа.

Заботы, обременяющія Офицера Генеральнаго Штаба, не вознаграждаются тѣми пріятностями, которыя услаждаютъ жизнь офицеровъ въ полкахъ. Зная, что только совѣсть его будетъ свидѣтелемъ и судьею его дѣяній, онъ долженъ имѣть необыкновенную силу характера, рѣдкую власть надъ самимъ собою.

Но, съ другой стороны, онъ имѣетъ право гордиться своимъ назначеніемъ: ибо охраняетъ безопасность и пріуготовляетъ побѣды арміи; отвѣчаетъ, такъ сказать, начальнику за армію и солдату за начальника, утверждая власть одного, благосостояніе и повиновеніе другаго; раздѣляетъ всѣ труды, всѣ опасности, славу всѣхъ успѣховъ и, содѣйствуя пораженію врага, если не силою руки, то умомъ и сердцемъ, участвуетъ во всемъ, кромѣ физическаго истребленія.

Офицеръ Генеральнаго Штаба не долженъ никогда терять изъ виду выгодъ и благосостоянія солдатъ, которыми позволено жертвовать на мигъ только для очевидной государственной пользы. Солдатъ, повинующійся всѣмъ, имѣетъ право на попеченіе всѣхъ; уступая всѣмъ вразсужденіи почестей, онъ терпитъ наиболѣе нуждъ. Когда онъ доволенъ своею участью, то общее благосостояніе не подвержено сомнѣнію. Фрунтовой офицеръ раздѣляетъ его страданія и можетъ облегчать ихъ только совѣтами и нравственнымъ влія-

ніемъ. Но если это вліяніе будетъ употребляемо слишкомъ часто, то утратитъ свою силу отъ привычки.

Содѣйствуя заботливому начальнику, офицеры, состоящіе при Штабахъ, оказываютъ покровительство и состраданіе солдату, стараются удовлетворить его нужды, хотя и не раздѣляютъ ихъ, и для достиженія этой цѣли, пользуются разнообразными средствами.

IX.

ОБЪ АДЪЮТАНТѢ.

Отношенія Адъютанта къ военачальнику сближаютъ его съ нимъ болѣе, нежели офицера Генеральнаго Штаба: Адъютантъ почти совершенно раздѣляетъ жизнь Генерала. Онъ долженъ быть его другомъ, чтобы вполнѣ достигнуть цѣли учрежденія сего званія.

Въ продолжительныя и славныя войны Республики и Имперіи, многіе Генералы, по злоупотребленію, имѣли при себѣ въ этомъ званіи молодыхъ людей, связанныхъ съ ними узами пріязни или родства; къ несчастію, подобныя преимущества не давали имъ нужныхъ качествъ и свѣдѣній: напротивъ того отличные военачальники, подражая примѣру Императора, искали тщательно въ войскахъ храбрыхъ и опытныхъ Офицеровъ, достойныхъ быть ихъ помощниками на полѣ

сраженія. Наполеонъ говорилъ, что есть два рода Адъютантовъ: одни для боя, другіе для гостиной. Одни, благородные сподвижники вождей, друзья, которыми гордятся, какъ Генрихъ IV гордился Сюлліемъ, обязаны своимъ назначеніемъ оказаннымъ услугамъ; другіе, не имѣющіе военныхъ достоинствъ, движимые презрительнымъ честолюбіемъ, домогаются предпочтенія предъ соперниками посредствомъ низкихъ происковъ, стараются быть домашними людьми, служителями Генераловъ, отъ которыхъ зависитъ судьба ихъ, и справедливо заклеймены въ арміи оскорбительнымъ именемъ, котораго мы не повторимъ. Чтобъ искоренить это злоупотребленіе, надлежало измѣнить отношенія Адъютанта, возвратить ему независимость и постановить, чтобы его званіе было должностію, а не путемъ къ повышенію. Это сдѣлалъ маршалъ Гувіонъ-Сенъ-Сиръ, учредивъ Королевскій Корпусъ Генеральнаго Штаба. Но теперь Генералъ, ограниченный въ выборѣ, имѣетъ право ожидать, чтобы всѣ Офицеры того

корпуса, изъ котораго онъ обязанъ взять Адъютанта, имѣли требуемыя качества.

Тюрпенъ де Крисе говоритъ: «необходимо, «чтобы Адъютантъ уже бывалъ въ походахъ до «вступленія въ это званіе, былъ зрѣлыхъ «лѣтъ и свѣдущъ: это важнѣйшая должность, «на которую не обращается надлежащаго «вниманія.» Въ наше время, не всякой имѣлъ случай быть на войнѣ; пріобрѣтеніе нужныхъ свѣдѣній обезпечено учрежденіемъ Корпуса Генеральнаго Штаба; зрѣлость лѣтъ можетъ замѣняться зрѣлостью соображеній и обширностью познаній. Основательный умъ зрѣетъ преждевременно. Не выгоднѣе ли для Генерала имѣть Адъютанта, соединяющаго зрѣлость разсудка съ юною бодростью тѣла? Физическія средства Генерала не увеличиваются ли силою и дѣятельностію молодаго человѣка? Онъ не только долженъ въ сраженіи все предугадывать, все видѣть, вездѣ присутствовать; но нѣтъ обстоятельства, нѣтъ случая, которые бы не заслуживали всего

вниманія его: дѣятельность Генерала охраняетъ армію.

И такъ, Адъютантъ раздѣляетъ не власть, но труды главнокомандующаго. Генералъ и онъ — это мысль и дѣйствіе, голова и руки. Заключивъ сей союзъ, Адъютантъ лишается права располагать собою: будучи избранъ изъ толпы генераломъ, онъ посвящаетъ жизнь, чтобы служить ему *въ военномъ отношеніи*, и подъ словомъ: служить, мы разумѣемъ не только повиновеніе, но преданность и усердіе, которыя оживляютъ его. Онъ долженъ стараться внушить войскамъ уваженіе и любовь къ особѣ генерала.

Но если бы генералу случилось сдѣлать ошибочныя распоряженія, и нижніе чины стали бы порицать его съ нѣкоторою справедливостію, — что дѣлать Адъютанту? Соединится ли его голосъ съ преступными голосами? Тщеславіе заставитъ ли его сказать, что онъ получилъ неосновательныя приказанія? Вооружитъ ли онъ враждебныя страсти, обвинивъ своего генерала? Нѣтъ.—По нашему

мнѣнію, онъ долженъ пожертвовать своимъ самолюбіемъ, своею доброю славою и принять на себя отвѣтственность за всѣ ошибки: потому что того требуетъ общественная польза. Нѣтъ большой важности въ томъ, чтобы армія вѣрила въ достоинство Адъютанта; но недовѣрчивость солдата къ вождю опасна. Притомъ, рано или поздно узнаютъ истину, и время покажетъ дѣла каждаго.

Это самоотверженіе не есть низкое угожденіе: ибо оно основано не на желаніи пріобрѣсть себѣ друга или покровителя, а на благородной любви къ порядку и отечеству. Эта общественная добродѣтель требуетъ иногда величайшихъ усилій; но хорошій Адъютантъ долженъ отличаться и другими воинскими качествами. Едва окончивъ ученіе въ школѣ, онъ можетъ помнить подробности службы и уставовъ, которыя забыты генераломъ, занимающимся высшими соображеніями; или новыя формы внутренняго управленія, которыя чужды воспоминаніямъ и привычкамъ славной эпохи побѣдъ нашихъ. Его

свѣдѣнія бываютъ часто полезны генералу. Но горе ему, если онъ вообразитъ себѣ, что это достоинство школьника можетъ сравниться съ знаніемъ людей, опытностію, славными преданіями и убѣжденіемъ въ военныхъ обязанностяхъ, внушеннымъ продолжительнымъ исполненіемъ оныхъ; или затьмитъ блескъ побѣды и сугубое величіе начальствованія и зрѣлости лѣтъ.

Недовѣрчивость къ самому себѣ прилична молодости: она доказываетъ, что мы измѣрили важность своихъ обязанностей и служитъ залогомъ нашей ревности. Сколь жалка нерѣшимость начальника, столь же смѣшна высокомѣрная увѣренность подчиненнаго. Генералъ-лейтенантъ прошедшаго столѣтія, который совершилъ 17 походовъ, написалъ 3 пространныя сочиненія о военномъ искусствѣ и посвятилъ всю жизнь войнѣ или ея изученію, сознается въ своемъ невѣжествѣ и излагаетъ свои мнѣнія въ видѣ предположеній; юношѣ стыдно было бы не подражать такому примѣру.

Адъютантъ долженъ безпрестанно имѣть въ виду, чтобы не употребить во зло расположенія начальника; чтобы отличить уваженіе, которымъ онъ пользуется, какъ человѣкъ, отъ того, которое оказывается званію его; чтобы обезпечить исполненіе прикказаній, сообщая ихъ заслуженнымъ Генераламъ, не забывая приличій и не оскорбляя всегда раздражительнаго самолюбія.

Онъ долженъ почтительно внимать Полководцу, который повѣряетъ ему свои тайны, и осторожно отвѣчать на ропотъ товарищей, кстати говорить и безмолствовать, сближать сердца, оправдывать всѣ поступки и помнить лишь о томъ, что можетъ представить ему случай оказать услугу.

Онъ въ виду всѣхъ, въ сношеніи со всѣми, и болѣе всѣхъ долженъ стараться заслужить сперва уваженіе, потомъ любовь; онъ долженъ всегда помнить, что обязанъ почитать начальника, уважать всѣхъ старшихъ, принимать участіе во всѣхъ страданіяхъ и не забывать собственнаго достоинства, умѣряя даже

порывы своей ревности и преданности, чтобы не подвергнуть себя упреку въ низкой услужливости.

Состоя въ близкихъ сношеніяхъ съ начальникомъ, онъ виновенъ, если не внушилъ ему мысли или не представилъ случая сдѣлать добро. Одни испрашиваютъ чрезъ него милости, другіе правосудія. Не огорчая никогда первыхъ грубымъ отказомъ, онъ долженъ принимать искреннее участіе въ послѣднихъ. Множество инстанцій препятствуютъ иногда удовлетворенію самыхъ справедливыхъ жалобъ. Отъ Адъютанта зависитъ представить своевременно дѣло генералу и дать ему счастливый оборотъ. Онъ сохранитъ право на довѣренность, если будетъ заступникомъ одной справедливости. Такимъ образомъ содѣйствіе его можетъ быть полезно генералу, чтобы правосудіемъ привязать къ себѣ солдата, осчастливленнаго мыслію, что выгоды его составляютъ предметъ постояннаго попеченія генерала.

Наслаждаясь удовольствіемъ быть посредниками добрыхъ дѣлъ, мы не должны хвалиться нашими усиліями; ссылаясь на начальника, когда сообщаемъ строгія приказанія, не будемъ приписывать себѣ благодѣяній, оказываемыхъ властью. Несмотря на свою независимость, Адъютантъ, самъ по себѣ, ничего незначитъ, подобно планетамъ, которымъ солнце сообщаетъ блескъ и движеніе, но которыя, удалясь отъ него, утратили бы свѣтъ и теплоту. Скромность есть первое достоинство въ его званіи. Никогда не напоминая о себѣ, онъ тѣмъ пріобрѣтаетъ право на вниманіе.

Если подчиненный долженъ удовлетворять столь многообразнымъ условіямъ: то тѣмъ многочисленнѣе и труднѣе обязанности начальника. Благодѣтельное вліяніе зрѣлаго ума оплодотворяетъ богатыя сѣмяна, заключенныя въ юной душѣ. Частныя взаимныя сношенія двухъ человѣкъ, несмотря на неравенство лѣтъ и званія, неизбѣжно дѣйствуютъ на обоихъ; качества одного огражаются въ качествахъ

другаго; и если справедливо, что хорошіе подчиненные всегда почти находятъ хорошихъ начальниковъ: то позволительно утверждать, что достойные генералы образуютъ отчасти хорошихъ Адъютантовъ, какъ великіе полководцы отличныхъ солдатъ.

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы показали, какихъ высокихъ качествъ и добродѣтелей требуютъ отъ воина, и какая слава ожидаетъ его. Жертвовать своею волею общему благу — облагороживать зависимость преданностію; твердостію и превосходствомъ личныхъ качествъ внушать и заслуживать повиновеніе, соглашая его съ человѣколюбіемъ и законами чести; заглушать голосъ страстей и исполнять свой долгъ по внутреннему убѣжденію, не ожидая наградъ — вотъ, въ чемъ состоитъ военный духъ, и потому приличнѣе назвать его военнымъ чувствомъ.

отд. 2003

2007113312